

ОСТАЛАСЬ МУЗЫКА

О ТОМ, что Шостакович болен, знали давно. С 1958 года.

В 1959 году композитор собственноручно в короткий срок переписал всю оркестрованную им по полным авторским подлинникам партитуру оперы «Хованщина» — два объемистых нотных тома. Возможно, это перенапряжение усугубило начавшуюся слабость правой руки. Инфаркт после ленинградского концерта 1966 года заставил его отказаться от планов возвращения на эстраду с сольными концертами.

Шостакович исправно лечился. Ездил в далекий Курган к ортопеду Г. А. Илизарову, прославившемуся исцелением известного спортсмена Валерия Врумеля.

Илизаров жестким режимом двигательных упражнений как будто помог; помню, приехав после Кургана в Репинский дом творчества композиторов, Шостакович показывал пальцы, начавшие двигаться, и даже пытался упражняться на рояле.

Второй инфаркт прервал этот метод лечения. Постепенно терялась вера в то, что медицина способна разобраться в болезни.

Значительную часть времени Дмитрий Дмитриевич проводил теперь в больнице, в санатории «Барвиха», терпеливо делал все, что предписывали, выслушивал ободряющие советы и старался не уходить от работы. Движением, переменной мест преодолевал надвигавшуюся неподвижность — постоянная активность, творческая и интеллектуальная, где бы он ни находился и как бы себя ни чувствовал, была инстинктивным способом самолечения, самоисцеления.

Изумление вызывала его неосыпаемая продуктивность, его способность записывать музыку в то время, когда он не мог натянуть на себя пальто, застегнуть пуговицы, с трудом передвигался.

Истопленно работая, Шостакович за семнадцать лет болезни написал девять из пятнадцати квартетов, четыре из пятнадцати симфоний, несколько циклов романсов, музыку к кинофильмам, два виолончельных и Второй скрипичный концерты, поэму «Казнь Степана Разина».

Героический, непреклонный характер сказывался в такой борьбе с недугом, перед страхом полной физической немощи.

Последнюю нотную строчку в Сонате для альты и фортепиано он написал 6 июля 1975 года, это было завершение третьей части — Адажио памяти Бетховена. Корректировку Шостакович занимался еще 4 августа, за пять дней до смерти.

Он уже несколько раз стоял у ее порога, и она отступала. Не ждал ее и в 1975 году. Не знал, что целый год разрушалось правое легкое, и метастазы перешли на левое.

17 мая я увидела его в Репине; он приехал туда после «Барвихи», где пролежал апрель: оттуда получила открытку, поразившую четной строчкой букв, — значит, все-таки лечение помогало, если мог написать.

Тот май многие музыканты проводили в Репине. Их влекла туда возможность сосредоточенной работы, и вечерами, после утомительных часов занятий, они дружно встречались, беседовали, шутили, веселились.

Но присутствию Шостаковича определенно нандывало печатать на всю репинскую жизнь. Он уже нигде не появлялся. Трижды в день жена — Ирина Антонова — приходила за едой, терпеливо ожидала, пока официантка наполняла судки, и уходила, иногда перекидываясь с кем-либо несколькими словами.

Иногда виднелась вдали бордовая «Волга» на дорожке и Приморскому шоссе. Как в мажореской «Песне о земле», «тихо ждало часа своего сердце», сердце Шостаковича, и все ощущало тень, омрачавшую ясную и солнечную весну 1975 года.

17 мая было особенно знойным, совсем по-летнему. Шостакович вышел на лужайку из двадцатого коттеджа, в котором жил, и медленно прогуливался возле автомашин. Он был заботливо и аккуратно одет в свежестриженные серые брюки и белую рубашку с короткими рукавами. Бросалась в глаза очень тонкая правая рука с неестественным поворотом кисти. Волосы его заметно поседели. Очки с очень выпуклыми стеклами помогали видеть вблизи: зрение стремительно ухудшалось.

Никогда прежде не жаловавшийся, он сетовал. На жару: издавна, с молодости, не терпел жары, предпочитал дождь и прохладу. Солнце, которому все радовался, мучило: словно оправдываясь, он стал говорить, что такая весна иссушает землю. Потом сокрушено заметил:

— Вот видите, сколько писем. Вероятно, меня считают невежливым человеком, а я не могу ответить. Учусь пи-

сать левой рукой. Как Шуберт. Знаете, он оперу «Укрощение строптивой» левой рукой писал, а у меня не получается. Нужно диктовать. У меня диктовать не получается. Привык писать сам. Не получается диктовать...

— Чем же вас лечат, массажами?

— Да, и массажами, и еще...

Умолк. Чувствовалось, о лечении говорить не хочет. Вскочил судорожно: вспомнил, что должен кому-то звонить.

Вышла Ирина Антонова: «Митя, зачем так быстро?»

Снова сел. Заговорил о киевской постановке «Катерины Измайловой». Стал рассказывать охотно, уже не заглаживая слов и не повторяя отдельные отрывистые фразы.

— В Киеве отменно «Леди Макбет» поставили. Самая лучшая постановка. Катерине 26 лет. Отличная певица. Совершит нотку, чуть позже вступит — просят прощения у дирижера. Дирижер Симеонов отвечает: «Вот у Шостаковича проси прощения». А в других театрах «накрут» — и не извиняются.

Потом снова вспомнил о друге — композиторе Виссарионе Шубалине, видимо, искал опору в примерах: «Нужно лечиться. Врачи ищут-ищут, а играть я не могу».

И вновь показал правую руку, поддерживая ее левой, более подвижной. Оживился, вспомнил сына Мансима: «У него сезон нынче поздно кончается. Прежде сезон уже в начале мая закрывали, а теперь только в июне. Потом на Украину поедет, потом в Австралию...»

28 МАЯ Шостакович уехали из Репина. Погода резко переменилась, поздний грязный снег покрыл дорожки и цветочные клумбы. К Шостаковичу заходили прощаться: всем он говорил, что возвратится через два месяца.

На вокзале его провожал Петр Радчик, директор Ленинградского отделения Музыкального фонда: добрые отношения связывали их со времени первой постановки оперы «Леди Макбет Мценского уезда», когда Радчик работал в дирекции Ленинградского Малого театра оперы и балета. С тех пор он заботился о Шостаковиче, а в последние десятилетия сделал так, что Репино

стало для композитора самым желанным местом отдыха, лечения, а главное — продуктивного труда. Он многое здесь написал, в двадцатом коттедже, за простым столом у окна, где никогда не заметно было никаких следов работы: черновики он тут же рвал и выбрасывал, написанное прятал в стол.

В книге репинских композиторских записей, где принято отмечать сделанное в Доме творчества, Шостакович 30 января 1974 года пометил: «Когда я бываю в Репине, то много работаю. В 1973 году, будучи в Репине, я сочинил свой Четырнадцатый квартет. В январе 1974 года сделал редакцию для камерного оркестра моей сюиты для контраля на стихи Марины Цветаевой». К этому скромному перечню можно было бы добавить и последние симфонии, и просмотр сочинений бывших учеников. Сюда к нему приходили те, кто писал о нем: узнать или проверить факты. Он и в этом не отказывал: помню, как в марте 1973 года, закончив очередную работу, он перед отъездом в Москву несколько часов рассказывал о себе для книги «Молодые годы»; нашелся магнитофон, и удалось записать эти воспоминания: о матери, о ранних сочинениях, о Мейерхольде, Зощенко.

Двадцатый коттедж был подготовлен к 1 августа. Шостаковича ждали.

В конце июля узнали от Ирины Антоновой, что поездка несколько задерживается: «Дмитрий Дмитриевич чувствует себя неважно». Это не удивило.

Тревожно стало в начале августа, но потом — это было в пятницу — состояние Шостаковича улучшилось. Появилась надежда. Это был, однако, последний подъем дыхания. Жизнь уходила. Незаметно и тихо.

В субботу наступил покой коипа. И тотчас же понеслась весть, от человека к человеку, и многие музыкан-

ты стали собираться в Москву, чтобы проститься с Шостаковичем: ведь когда он жил, каждый мог быть уверенным, что Шостакович поймет, ободрит, поможет...

12 августа был опубликован некролог со словами, обобщавшими историческое значение гения советской музыки: «Многогранное творчество Д. Д. Шостаковича — замечательный образец верности великим традициям музыкальной классики и прежде всего — русской. Он черпал вдохновение в нашей советской действительности, открывая все новые возможности ее художественного воплощения в музыке. Своим новаторским творчеством он утверждал и развивал искусство социалистического реализма, прокладывая новые пути прогрессивной мировой музыкальной культуры...»

Человек высокого общественного долга, душевной щедрости, исключительной скромности, Д. Д. Шостакович отдал все свое творчество служению народу, Советской Родине. Он внес огромный вклад в сокровищницу отечественной и мировой художественной культуры. Гений Шостаковича, его великие творения будут жить в веках.

Общая нить замечалась в зарубежных некрологах — всюду в эти дни, подытоживая путь композитора, писали о нем как о сыне русской революции и великом гражданине. «Детищем русской революции» называла его газета «Нью-Йорк таймс». В Лондоне газета «Гардиан» выделила: «В своих произведениях Д. Шостакович убедительно показал, что он подлинный и искренний патриот своей страны». Из статьи «Националь дайтинг» (Германская Демократическая Республика): «Присутствующая в его произведениях личная позиция автора — это выражение преданности идеям коммунизма, большой любви к Родине, к советскому человеку — строителю новой жизни».

Признанный и при жизни великим человеком легендарной творческой судьбы, Шостакович теперь назывался вековой духовной разитиной эпохи.

...В четверг, 14 августа, с самого раннего утра стали собираться люди у Большого зала Московской консерватории и в самом зале.

Здесь, где так часто слушателей поносила музыка Шостаковича, теперь поместили его тело у эстрады, с необычным без очюв лицом и характерной сильной выразительных рук.

Рыдания не было. Внешние знаки горя казались даже неуместными: прощались с гением, и горе возвышалось глубиной чувств.

С особым чувством стояли здесь те, кто знал его, а знали очень многие, ибо Шостакович был открыт для людей и слова «нет» не существовало в его лексиконе. Умевший влюбляться в людей, он многим дарил свою дружбу, и никакие разочарования не влияли на чистоту его чувств.

Для целого поколения он стал больше чем музыкантом — чудом жизни и искусства, одухотворенной стихией, рождавшей могучие творения, притягивающие и волнующие. И это поколение прощалось с ним, как с лучшей частью собственной жизни. Потому так взволнован был Арам Хачатурян, знавший Шостаковича сорок лет, с 1934 года, когда в поездке, направлявшемся в Банку, познакомились два совсем молодых композитора и вдвоем претерпели в долгой дороге немало происшествий, забываясь ими. Потому обострились черты Евгения Мравинского, и сивозь сурового их власть проступило изначальное...

Из репродукторов звучала музыка Шостаковича. Вместе с музыкой Баха. Удивительная, прекрасная, мудрая музыка, простая, понятная.

Г. Рождественский и В. Постникова играли в четыре руки на фортепиано, Г. Писаренко, И. Анжилова, И. Мазулон пели, звучала скрипка Л. Югана. Т. Нинолаева сыграла Шостаковичу его прелюдии и фуги — из тех, которые он поручил ей впервые исполнить сразу после сочинения, в 1950 году. Пела напелла песни в обработке Шостаковича.

Музыка слушалась с новой остротой восприятия: ведь отныне она жила за чертой его земного бытия — единственный портрет не только великого творца, но и великой личности двадцатого века.

В тот день среди других ораторов говорили о Шостаковиче ленинградцы — рабочий Георгий Социалистического Труда Б. В. Тугеев и композитор Андрей Петров:

«Шостакович принадлежит всему миру. Но сердце его принадлежит Ленинграду».

Ленинград — город Пушкина, Гоголя, Достоевского, Блока.

Теперь он будет называться и городом Шостаковича...».